

Глава 5.

Макс сидел на новенькой скамейке, греясь на ласковом, ещё не злом солнышке. По Аллее Ветеранов гуляли пенсионеры, мамы с колясками, иногда проезжали на самокатах школьники, на недалёкой детской площадке щебетала малышня, мягко шумел фонтан. Через полчаса у Кати закончатся занятия в школе, и они вдвоём пообедают в кафешке, потом немного погуляют, подышат воздухом, а потом зайдут в читальный зал. Потом... Наверное, придётся Кате делать домашку – одиннадцатый класс, всё – таки, а Максу заканчивать курсовую. Вечером они опять встретятся на тренировке. Катя закончит школу, поступит в Универ и, когда она будет на пятом курсе, они с Максом поженятся. У них будет трое детей, и большой дом, чтобы всем хватало места. Так они вместе решили. Пока же, в ожидании Кати, Макс увлёкся расчётами графика нагрева для изготовления керамических режущих пластин методом высокотемпературного ультрапрессования.

Справа от Макса, на лавочке сидел очень уже немолодой дядечка, читавший что – то на планшете. Назвать его стариком было невозможно – прямая спина; точные, плавные движения; уверенные, но сдержанные и учтивые манеры, немодная, но очень качественная, добротная одежда, к тому же – сосед Макса по лавочке не надевал очков. Макс уже сидел на лавочке, когда этот пожилой джентльмен подошёл, и вежливо испросил разрешения присесть рядом. Конечно, Макс разрешил, хотя и был очень удивлён подобным вопросом.

Макс совсем уже было рассчитал момент выхода процесса на адиабату, как сзади послышалось шебуршение, и чей – то голос произнёс: «Зайдите! Посмотрите! Ведь вы этого никогда не видели!» С удивлением обернувшись, Макс увидел некоего гражданина, стоявшего за лавочкой. Гражданин этот показался Максу знакомым: уныло – многозначительный рот, скобкой вниз, криво сидящие мутные очки, надменное выражение лица, потёртый плюшевый пиджак, почему – то галстук бабочкой, и мешковатые джинсы.

- Зайдите! Посмотрите! Ведь вы этого никогда не видели! - повторил непонятный гражданин.

- Это что, такая реклама? - спросил сосед по лавочке, с удивлением рассматривавший гражданина, - тебе, мил человек, что нужно? Ты кто такой?

- Я – не человек! Я – Зайдун! Зайдите! Посмотрите! Ведь вы этого никогда не видели! - ответил гражданин.

- А кто же ты?

- Я – Зайдун! Зайдите! Посмотрите! Ведь вы этого никогда не видели!

- Куда зайти – то? – не выдержал Макс.

- На сайт! Радиомузеумру! Зайдите! Посмотрите! Ведь вы этого никогда не видели! – продолжал нить Зайдун.

Макс быстро набрал в смартфоне названный адрес, открыл пару страниц, и понял, почему гражданин показался ему знакомым – несколько лет назад, когда Макс ещё учился в школе, этот странный гражданин пришёл к ним на классный час, притащил с собой много старинной радиотехники, отчаянно колотил палочками в пионерский барабан, и страшно дудел в пионерский горн, извлекая из него неприличные звуки. Всем в классе стало как – то жутковато, одна девочка даже расплакалась. А гражданин, повязав себе пионерский галстук, принялся ковырять в носу, видимо, чтобы полностью войти в образ юного пионера. Потом он начал долго, косноязычно и нудно рассказывать о том, какие старые приёмники и магнитофоны у него есть в коллекции, и автографы каких забытых певцов и певиц он хранит, и про какие – то грамоты, и про дипломы, и про какую – то Венеру со странной фамилией Шизгара, которую зачем – то крутили на танцах, вместо того, чтобы с ней танцевать, и про Олимпиаду в Москве, которая без него бы не состоялась. В общем, все вздохнули с облегчением, когда он ушёл.

- Зайдите! Посмотрите! Ведь вы этого никогда не видели – опять заныл Зайдун.

- Так что я не видел? Очень мне любопытно! – ответил ему Максов сосед. Макс показал ему пару страниц сайта, чем неожиданно привёл соседа в неподдельное веселье.

- Зайдун, голубчик, я пятнадцать лет прослужил заведывающим секцией радиотоваров в ГУМе! В Министерство только потом перешёл! Развеселил меня, благодарствую! – отсмеявшись, сказал пожилой джентльмен.

- Эх, молодёжь! Вам это не надо! – разочарованно проныл Зайдун.

- Голубчик Зайдун, это ты мне, или вот, молодому человеку? Если мне, так я бы и рад в молодёжь, да уже не берут, я с тридцатого года! – веселился сосед.

Зайдун отскочил от лавочки, на которой сидели Макс с бывшим заведывающим, выбежал на аллею, и кинулся догонять прошедшую мимо немолодую пару. Тут Макс с соседом неожиданно увидели, что ноги Зайдуна ниже колена полупрозрачные.

- Вот как! Это что, привидение, что - ли? - удивился сосед.

- Нет. Похоже, мы разговаривали с голограммой. Шутит кто – то, - ответил Макс.

- Голограмма? Это лазерное изображение, я не ошибаюсь? – сказал сосед, - надо же, до чего дошёл прогресс – уже и разговаривает! Насмешили, насмешили! - и сосед снова углубился в чтение.

«Зайдите! Посмотрите! Ведь вы этого...» - донеслось издалека.

Тут на аллее показалась Катя, Макс поднялся ей навстречу, и сразу забыл о странной сущности по имени Зайдун.

Глава 6.

Путь до Мытищ занял немного времени. На самой границе городской черты, где за кустами уже начинались дома, Гурьянов с хода влетел в известный ему пролом, оказавшись сразу под кирпичными сводами старинной кладки и, пригибаясь, стремительно двинулся по давно пересохшему водоводу в сторону Москвы. Внезапно, всего метров через сто, стены туннеля резко раздвинулись, и Гурьянов оказался в неизвестном ему круглом накопительном бассейне, метров десяти в диаметре, со сводчатым потолком, выведенным всё той же старинной кирпичной кладкой, сквозь проломы в которой скудно сочился утренний свет. Воняло ужасно. Бассейн почти до краёв был наполнен давно протухшей водой, превратившейся в пузырявшееся, густое, зелёно – чёрное болото. В болотной жиже плавали какие – то обломки, какие – то куски непонятно чего, виднелись островки склизкой тины. Зажимая нос, Гурьянов опасливо двинулся по широкому кирпичному борту, опоясывающему бассейн, оскальзываясь, и с трудом сохраняя равновесие, к темневшему на противоположной стороне продолжению туннеля. Он почти преодолел отделявшее его от продолжения водовода расстояние, когда жижа в болоте вдруг пошла волнами, задвигалась, и кто – то длинный, тёмный, стремительно подплыв, беспощадно схватил Гурьянова, опрокинул его, и утащил в бассейн. «Крокодил?!» - только и успел подумать он, оказавшись по горло в болотной жиже. Гурьянов закрыл глаза, и попрощался с жизнью. Но нет, крокодил не спешил разрывать его на части и заглатывать. Лишь будто две железные клешни сжимали его, не давая пошевелиться. Со страхом открыв глаза, Гурьянов увидел возвышающуюся из болота грязную, покрытую тиной голову, могучие плечи, обтянутые потрескавшейся прорезиненной тканью, и огромные руки, державшие его. За остающейся чистой панорамной водолазной маской орехово – зуевского производства, было видно буро – серое лицо с налитыми бешеной злобой глазами. «Гость... это... обзавись...» - выдавил из себя Гурьянов. Ответа не последовало. «Ты кто?» - пискнул Гурьянов. И услышал:

- Я – водолаз! А ты – утопленник! Арррх! – приглушённый маской голос звучал хрипло, то и дело срываясь в рычание, - я давно тебя жду! Я знал, что ты придёшь, арррх! И я дождался! Я утоплю тебя в этом мерзком, гнилом болоте!

- Бульк! За что? – только и смог пропищать Гурьянов.

- Я был лучшим в мире водолазом! Я погружался в жёстком скафандре глубже всех! Я работал на глубине дольше всех! Но, один человек написал в интернете слово «водолаз», и я оказался здесь, в древнем водоводе! Потом этот человек написал слово «водовод», и чистойшая вода в бассейне, бывшая моей единственной радостью, превратилась в гнилое болото! Арррх!

Теперь я водолаз в водоводе, арррх, и не могу отсюда выйти! Мой глубоководный планшет работал здесь ещё три месяца, и я нашёл в интернете того, чьи слова обрекли меня на такое существование! Арррх! Этот человек – ты! Арррх! Настал час моей мести – ты пришёл! Всё, хватит болтать! На глубину!!!

- Мама!! Я не хочу!!! – в ужасе заорал Гурьянов.

- Не хочешь? Я тоже не хотел сюда, арррх! Замолчи, и умри достойно! Хотя, у тебя есть один шанс остаться в живых – мне очень плохо без... В общем, мне нужна водолаз. Если ты станешь моей водолазой, и останешься жить здесь, со мной, так и быть – я тебя поощрю. Выбирай, арррх!

«Ой, мама!» - мысленно закричал Гурьянов, - «я не хочу быть утопленником! Я не хочу быть водолазой! Я ужинать хочу! Что делать, что?!» Отчаяние заставило Гурьянова думать, и он решил пойти на хитрость. «Я не могу решиться. Покажи своё лицо без маски» - сказал он. Водолаз, колебавшись, отпустил Гурьянова, и потянулся к маске, закрывавшей его лицо. Как только его железная хватка исчезла, Гурьянов воспользовался своим последним шансом. Пронзительно заверещав: «Меня в школах изучают!!!», он оттолкнулся ногами от дна, погрузившись при этом в болото с головой, и выпрыгнул на бортик бассейна, упав на спину. Отчаянным рывком Гурьянов перевернулся на четвереньки и, не вставая на ноги, стеной от страха, кинулся в ближайший тоннель водовода. Сзади рычал и завывал водолаз: «Арррх! Убьюууу! Я ещё выйду наверх! Арррх! Ууууу! Я тебя достану! Арррх!»

Очень скоро его рычание перестало быть слышным, впереди забрезжил дневной свет и, на четвереньках выскочив на поверхность через всё тот же пролом, Гурьянов, задыхаясь, упал на землю без сил.

Почти полчаса понадобилось Гурьянову, чтобы отдышаться, и прийти в себя после пережитого ужаса. «Надо же, как ужинать хочется!» - наконец, начал он думать, - «и как теперь до Петровского добираться? По водоводу не пройти, там этот дурень водолаз. На общественном транспорте? Нет, не вариант. Не пустят, как сумасшедшего бомжа – вон я какой грязный и рваный стал. Ещё и мокрый. Так. Придётся вокруг Москвы, ногами. По северной дуге? Там водохранилища, и рек много. Нет уж, опять какой –нибудь водолаз объявится. Придётся по югу, через Чехов». Решив так, Гурьянов поднялся, сделал шаг, другой, побежал - и опять не подвела неведомая сила, подхватила, понесла вихрем вперёд, только успевай поворачивать!

Неблизкий путь лежал вокруг Ногинска, Фрязево, Бронниц, Чехова, и дальше, огибая Наро – Фоминск. Дорога была нелегка, постоянно приходилось тормозить, сворачивать, поворачивать назад, избегая ненужных встреч с людьми, ведь места были населены, полны посёлков, дач, дорог и мостов, а леса наоборот, были редки. Особенно тяжело пришлось между Бронницами и Чеховым, но после Чехова лесов стало намного больше, и опять Гурьянов

разогнался, проламывая в кустарнике просеки, ломая животом тонкие деревья, и аккуратно огибая деревья большие. К Петровскому Гурьянов приблизился со стороны Селятино, уже в сумерках. С трудом определившись на местности – с этой стороны Гурьянов сюда ни разу не попадал, он двинулся к Шапкину. Ещё на дальних подходах к столь знакомому ангару, Гурьянов увидел неяркое лилово – голубое свечение, накрывавшее и ангар, и дом с ближайшей территорией, а подбежав ближе, Гурьянов увидел, что на Антонкинской башне, поверх венчавшего её шестигранного ограждения, установлена конструкция, похожая на раскрывшийся диковинный цветок, со множеством тычинок и пестиков, и от этой конструкции, неярко светившейся призрачным лилово – голубым светом, растекался во все стороны уже знакомый Гурьянову лёгкий лилово – голубой туман.

Подойдя к калитке, Гурьянов слегка толкнул её – калитка открылась, он шагнул внутрь, и тут же услышал резкий окрик: «Стоять! Стой, не шевелись, чертила! У меня пули серебряные!»

Гурьянов замер, боясь пошевелиться. Он стоял под неожиданно включившимся ярким фонарём, а голос Шапкина звучал из темноты.

- Тебе чего здесь надо, чертила? Нашпирую серебром, зашкворчишь и рассыплешься! Изыди вон, чертеняга! – продолжал Шапкин.

- Не могу, я ужинать хочу! Это я, Гурьянов!

- Гурьянов дома ужинает!

- Я – не дома Гурьянов! Я – здесь Гурьянов!

- А дома кто?

- Дома тоже Гурьянов! – неожиданно для себя самого сказал Гурьянов.

- Во как! Силён, бес! – восхитился Шапкин, - а если тебя перекрестить?

- Перекрести, перекрести меня, Владимир Ильич! Я ужинать хочу! – чуть не плача, закричал Гурьянов.

- Уже. Ты чего не исчезаешь?

- Я не умею – честно признался Гурьянов.

- Так. Ну – ка, отвечай: что писал Шапкин про малгабы?

- Что они ненадёжны.

- Правильно. А вот: какой приёмник хотели Шапкину впарить втридорога на «Молотке»? А?

- «Ленинград – 50».

- Гляди – ка, правильно. А ну, отвечай: сколько стоят фонды Музея Радио?

- Три миллиона долларов!

- Правильно! А подойди, посмотрю на тебя.

Гурьянов вышел из освещённого круга, и двинулся на голос. Через несколько шагов он чуть не налетел грудью на ствол карабина.

«Погоди, дай я на тебя близко посмотрю» - услышал он голос Шапкина, и в глаза ему ударил яркий свет фонарика.

«Батюшки, да это действительно Гурьянов! Дмитрий Николаевич, ты чего такой чёрный и грязный? Что у тебя за фонари на голове?» - изумился Шапкин.

Гурьянов схватился за голову – действительно, шишки прожгли в шапчонке дыры, и светили вовсю.

«А я всё понять не мог, откуда жжёной шерстью пахнет!» - подумал он.

- Это так, ушибся я, ушибся, - ответил Гурьянов, - Владимир Ильич, я сутки не ужинал, дай чего – nibудь пожевать! Я тебе потом всё расскажу!

- Так пойдём, пойдём, я как раз шашлыки затеял, и мясо уже готово! Вон, к сарайчику пошли, домой мы сейчас никак не попадём.

- Что, и тебя не пускает? – удивился Гурьянов.

- Ну да. У тебя тоже, судя по всему – констатировал Шапкин, - ладно, потом разберёмся.

Шапкин споро вытащил мангал с шампурами, нанизал мясо, разжёл угли, и принялся творить шашлык, отгоняя Гурьянова, в голодном нетерпении всё норовившего стащить сырое мясо с шампуров. Наконец, шашлык был готов, и Гурьянов, урча и чавкая, и что – то вскрикивая, принялся его поглощать. Шапкин ел не торопясь, поглядывая на Гурьянова, и словно обдумывая что – то. В конце концов, Гурьянов насытился, по телу разлилась благодатная истомная теплота, и его потянуло в сон.

«Нет – нет, Дмитрий Николаевич, ты давай не засыпай, давай мы чайку покрепче заварим, и ты мне сейчас всё рассказывай», - захлопотал Шапкин, - «вот, давай, в сарайчик, давай сюда присаживайся, только не слишком близко, а то воняет от тебя, уж прости дедушку Шапкина за прямоту, вот сюда, а я послушаю. И подробно давай!»

Гурьянов начал рассказывать, и о снах, и о кладбище, и о шизгаре; и о том, как увидел себя в своём же доме, и как попасть домой не смог, и обо всём.

Шапкин сначала слушал спокойно, потом вскочил, и стал расхаживать по сарайчику, в котором они сидели, продолжая внимательно слушать, и задавая уточняющие вопросы. Странно, но Гурьянов, к которому после ужина вернулась способность соображать, видел, что Шапкин ничуть не удивлён его рассказом, и даже иногда удовлетворённо кивает головой, словно находя в рассказе подтверждение собственным мыслям.

- И чего я понять не могу, почему я сегодня со всякими дурнями воевал, без малого пятьсот километров пробежал, а усталости не чувствую! – закончил Гурьянов свой рассказ.

- А я тебе, Дмитрий Николаевич, скажу, в чём причина, - ответил Шапкин, - это всё эманация «Ригонды».

Глава 7.

- Чего – чего «Ригонды»? – не понял Гурьянов.

- Эманация. Если вкратце – то, что «Ригонда» излучает, отдаёт вовне.
- А при чём тут вообще «Ригонда»? – недоумевал Гурьянов.
- А я предупреждал, так и писал: «вплоть до «Ригонды», и оказался, как всегда, прав! – продолжал Шапкин, - «Ригонда» вообще очень непростая техника, это целая сущность, не побоюсь так сказать. Назвали её в честь выдуманной реки, из выдуманного романа, а ведь давно известно: как вы яхту назовёте, так она и поплывёт. Оказался в ней совершенно немаленький креационно – мессианский потенциал, да!
- Владимир Ильич, это что же, вот все эти фокусы, и дурни, и коты говорящие, вот вся эта подапря – это всё радиола какая – то делает, так что – ли!?
- Ну, не совсем она, но и она тоже! Тут история длинная, за пять минут не расскажешь. Но, нам торопиться некуда, домой сегодня всё равно не попадём, ночь только началась, так что, если у тебя есть желание – изволь, расскажу.
- Есть, есть желание, рассказывай! – Гурьянов даже подпрыгнул от нетерпения.
- Ну, дедушка Шапкин давно предупреждал, что у него под пыльными музейными тряпками много чего такого найдётся, что если это на белый свет вытащить, много кому не поздоровится. Так вот, давно уже, году то ли в девяностом, то ли в девяносто первом, дали мне наводку в металлоприёмке, в Наро – Фоминске, в той самой, которая «Клондайк» была, что какая – то бабка хочет сдать очень большой немецкий приёмник, но самопривозом не отдаёт, а хочет, чтобы знающий человек пришёл, потому что приёмник очень тяжёлый, и она за него хочет настоящую цену. Приехал – смотрю, дом хороший кирпичный, но видно, что не новый, забор, сарайчики – всё добротное. Бабка словоохотливая такая, сразу меня в сарайчик ведёт. Захожу – батюшки, первое, что вижу: ломберный столик красного дерева, с инкрустацией и резьбой, весь заляпанный извёсткой и масляной краской, а она мне – мы с него потолки всегда белим, очень удобно. Вот же, думаю, живут же люди. Смотрю – сарайчик очень добротный, сухой, в углу – гора веников для бани, на каком – то сундуке. Бабка мне – сними веники, вот под ними. Снял – мать моя, агрегат полтора метра длиной, метр высотой, и больше метра в глубину. И шкала – во всю длину. А бабка мне всё рассказывает – перед Войной вышла замуж за вдовца бездетного, старше неё, он какой – то большой чин интендантский в армии был. Как Война началась – он по этой части всё служил. И вот, когда Кенигсберг уже освобождали, её муж туда попал. А там, как он рассказывал, у фрицев в старинном замке какая – то секретная часть была, вроде бы Нервная Аня называлась. Там ещё библиотека была большая. Я ей говорю - не может у них таких названий быть, а она упирается – я точно помню, мне муж так и говорил. Ну, может, Аня на нерве. Ладно, думаю, пусть будет Аня на нерве.

И вот, говорит, фрицы этот замок обороняли, просто насмерть. Наши замок почти весь разбомбили, а они всё не сдаются. А потом что – то взорвали в подвале, и все исчезли. Ни живых, ни мёртвых не осталось. А её муж, говорит, как уже город освободили, пошёл на руины замка посмотреть, всё – таки, любопытно. Там, как раз, завалы разбирали зачем – то, ну, и нашли целую комнатку, а в ней – этот ящик, почти не пострадал, только один угол осколком посекло. Муж его и забрал, как трофей. Потом его сразу на Дальний Восток отправили, он по пути этот ящик и завёз домой. В сорок седьмом вернулся, давай его включать – ничего не ловит. Каких только мастеров не приглашали – никто ничего не смог сделать. В пятидесятом году из Москвы, из самого Кремля, говорит, мастера привозили – тот посмотрел, и говорит, что это не приёмник, а прибор какой – то очень сложный, вы его в лабораторию на завод отдайте. Махнули рукой на этот ящик, утащили в сарай, и все про него забыли.

Я повнимательней посмотрел – да, громкоговорителя нет. Футляр простой, прямоугольный, но из досок красного дерева. На левой стенке шесть разъемов позолоченных, и два прямоугольных отверстия, тоже позолоченных, с заглушками. В рюкзанде аж десять вентиляторов врезано. На передней панели всяких переключателей хромированных штук тридцать, с немецкими надписями, индикаторов стрелочных десятков. Шкала огромная, точно как у радиоприёмника. Посветил в рассечённый угол – мать моя, многоэтажное шасси, телефонкеновских «черепашек» россыпи, чуть не сотня. Шины токопроводящие мощные между этажами шасси, и всё покрашено лилово – голубой какой – то краской. Попробовал приподнять – ящик даже не шевельнулся, такой тяжёлый. Ну, думаю, интересная штука, надо забирать. За бутылку, думаю, не отдаст, предложил две. А бабка мне – я непьющая, мне помирать скоро, гробовые готовлю, меня муж давно там ждёт, давай доллары. Ладно, сторговались. Бригада грузчиков долго кряхтела, но всё – же выволокла этот агрегат. Привёз я его сюда, поставил, стал разбираться, что за вундервафля такая. И, веришь, неделю спать спокойно не мог, так был удивлён. Все панели на болтах, кроме передней и левой. Открываю – батюшки, КПЕ восьмисекционный! Параллельно с ним, на стеклянном трубчатом каркасе – мощная индуктивность, намотана не то лиловым, не то голубым эмальпроводом, внутри – сердечник подвижный, с тем же эмальпроводом, и синхронный с КПЕ привод. А в левой части – мощный экран во всю высоту, вплотную примыкает к левой стенке, и покрашен той же лилово – голубой краской. Смотрю силовой трансформатор – огромный, с полусотней выводов, и намотан тем же эмальпроводом. Стал разбираться с приводом КПЕ и индуктивности – точная механика, безлюфтовая, понижающий редуктор с пятью ступенями. Лампы телефонкеновские, и ещё какие – то, совсем без маркировки. Кварцев, опять же, полно. Шасси шестиэтажное, и всё покрыто той же лилово – голубой

краской, и все шины токоведущие тоже. И всё как новое, как вчера покрасили. Любопытно мне стало – что за краска такая? Стал с шасси немножко соскребать – а под краской позолота. Позолоту решил поскрести, и обомлел – это не позолота. Там всё из золота. И шасси, и шины, и экраны. И трансформатор силовой – тоже золотом намотан, на золотом сердечнике. Кислотой попробовал – точно, золото. Мне даже нехорошо стало. Отдышался, давай дальше смотреть – что под экраном слева. Открутил винты, а он не открывается. Я и так его, и этак – мёртво сидит. Ломать не захотел – всё же золотая вещь. Полдня возился, и никак. Психанул, честно скажу, и давай ругаться. Немецких надписей насмотрелся, и выдал – verdammt, сволочь! Вдруг, что – то тоненько так звякнуло, и экран сам открылся. Смотрю, и глазам не верю: два хрустальных яйца, миллиметров по четыреста высотой, гранёные такие, все грани полированы, у каждого сбоку какая – то ручка, на яйца эти надеты золотые кольца, к которым токопроводы подсоединены, а точно посередине – хрустальные же ободки, и на них свастики выгравированы, только развёрнуты не как у гитлеровцев, а в обратную сторону. А внутри – структуры радиоламп просматриваются. Вот тут я сон и потерял. Так меня эти хрустальные яйца удивили – только о них и думал, - продолжал Шапкин, - да ещё и золотое шасси этого агрегата. Стал дальше разбираться – действительно, радиолампы невиданные, с десятью, вроде бы, сетками – дэагрид, похоже, получается. Два анодных вывода у каждой, с одного короткие шины золотые идут на квадратные отверстия, что в левой стенке, и в каждом отверстии что – то вроде возбудителя, как в СВЧ - рупоре, а со второго вывода – длинные шины на разъёмы. Решил я подробнее схему рассмотреть, а если получится, так и зарисовать. Но, где там – понял только, что там много генераторов, и усилителей к ним, и всё это может и в параллель включаться, и последовательно, и с обратной связи одного усилителя на вход других, а потом всё идёт на сетки этих самых хрусталей. Стал со шкалой разбираться – градуировка непонятно в чём, от – 8000 до 2022. Переключатели ZEIT/RAUM, WIRKLICHKEIT/ERFINDUNG, WELTRAUM/ERDE, и ещё полно всяческих, ну, и EIN/AUS, и регулировок масса. Долго мучился, пока не устал. Решил перейти к практике. Экраны закрыл, включил через ЛАТР, для начала, с пониженным напряжением. Всё нормально. Включил напрямую, к 220. Накал есть, ничего не дымится, и даже вентиляторы все работают. Чуть гудит, как и положено, и запах приятный, сладковатый такой. Режимы некоторых ламп проверил – нормально, штатно. Дай, думаю, посмотрю, как хрустальные эти работают. Опять ему говорю: verdammt! Экран - дзинь! – открылся. Снова питание включаю, смотрю: хрустали сияют не то лиловым, не то голубым светом. Вдруг, чувствую – земля мелко так трястись начинает, потом всё затряслось, и сам я затрясся. Испугался я, всё выключил. Гляжу – маховик у выключенного

пресса сам собой раскрутился, и долго потом не останавливался. Да, думаю, нельзя без экрана включать!

Ладно, стал дальше думать, что за чудо такое. Как только не включал, какие только режимы переключателей не ставил – ничего! На разъёмах напряжение меняется, от нуля до четырёхсот вольт, подключил осциллограф – он с ума сходит, загогулины рисует. На верхних отверстиях слабое электромагнитное возбуждение. Понял, что какая – то нагрузка нужна, вроде излучателей, что - ли. Соображаю: ага, наверное, на верхние отверстия нужны какие – то волноводы, а к разъёмам непонятно что, пусть будет громкоговоритель. Соорудил из консервной банки волноводы рупорками, прикрутил на винты. Подсоединил громкоговоритель: шум, то – ли розовый, то – ли вообще, непонятно, какого спектра. И – снова ничего. Недельку экспериментировал, чего только не придумывал – всё впустую. Устал и обозлился. И вот, включил как – то «Спидолу», на 4625 килогерц...

- Так это же «жужжалка»! – не утерпел Гурьянов.

- Ну да, она и есть. Слушал иногда, для развлечения, - продолжал Шапкин, - и вот, включил, и ручки этого агрегата кручу. Опять ничего. Всё, думаю, хватит с меня, гори оно всё, разломать, и в ломбард сдать. А дай, думаю, напоследок похулиганю – возьму, и подключу «Спидолу» к разъёму этого агрегата, чтоб им всем! Так меня это всё замучило. Ну, и подключил. Выход агрегата на антенный вход «Спидолы». У меня как раз на большой шкале 1819 было, и ERFINDUNG на одном переключателе. Включил «Спидолу» и агрегат.

«Спидола» сначала вообще молчала, потом тоненько так заверещала, и тут снаружи что – то грохнуло, да сильно так, аж земля дрогнула, и какой - то кот заорал, будто его прищемили. Тьфу, думаю, хватит, баста, в ломбард.

Выключил всё, выхожу – батюшки, у ворот ангара огромный дуб стоит, на дубе цепь золотистая, толстенная, рыбий хвост здоровущий свисает, и кот большущий чего – то орёт. А как меня увидел – аж поперхнулся, вздыбился весь, и давай меня матом крыть! На чистейшем русском, великом и могучем.